

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Г. А. ГУРЕВ

КАК ДАРВИНИЗМ БЫЛ ОСВОБОЖДЕН ОТ МАЛЬТУЗИАНСКИХ ОШИБОК

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном лектории
Общества в Москве

©

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА

1951 г.

Г. А. ГУРЕВ

Как дарвинизм был освобождён от мальтузианских ошибок

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном
лектории Общества в Москве

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Введение	3
Реакционные измышления мальтузианства	7
Мальтузианские идеи в учении Дарвина	13
Недостатки теории естественного отбора	17
Ошибочность идеи внутривидовой борьбы	21
Мальтузианство и социальный дарвинизм на службе империалистической реакции	29

Редактор — профессор **Б. А. БОГДАНОВ.**

Редактор Редакционно-издательского отдела Общества — **Е. Т. ФАДДЕЕВ.**

А 07577.

Подп. к печ. 24/X 1951 г.

Тираж — 100.000 экз.

Объем — 2 печ. л.

Заказ № 2128

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

«Сущность дарвинизма в законе естественного отбора, борьба же за существование — случайное явление...».

К. А. Тимирязев.

Введение

В истории естествознания немного найдётся исследователей, оказавших такое глубокое влияние на развитие науки, как Чарльз Роберт Дарвин (1809—1882). Его учение произвело величайший переворот в биологии, так как отвергнуло старые, привычные религиозные, идеалистические и метафизические представления о живой природе, объяснив с материалистических позиций общий ход процесса развития растительного и животного мира.

Ознакомившись с книгой «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», где Дарвин впервые обстоятельно изложил свои взгляды, Маркс писал Энгельсу: «...эта книга дает естественно-историческую основу нашим взглядам»¹.

Энгельс охарактеризовал учение Дарвина как одну из естественно-научных предпосылок создания марксистской философии. Товарищ Сталин в своей речи на приёме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г., говоря о передовой науке, отнёс Дарвина к числу тех «мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему»².

В чём же выразилось научное мужество, теоретическое новаторство Дарвина? Ответ на этот вопрос дал В. И. Ленин: «...Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними...»³.

Действительно, всю исключительную мощь своего ума Дарвин направил на то, чтобы окончательно опровергнуть ста-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 551.

² Сб. «И. Сталин о Ленине», стр. 90. Госполитиздат. 1949.

³ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 124. Изд. 4-е.

рое представление об органическом мире, как о чём-то неизменном, застывшем. Он дал убедительное доказательство факта органической эволюции, показав, что различные виды животных и растений появились не в результате отдельных божественных творческих актов, а естественным путём, одни от других, в процессе развития, длившегося много миллионов лет. При этом Дарвин выявил главнейший фактор развития живой природы: своей теорией «естественного отбора» он объяснил, почему в природе происходит исторический процесс превращения одних органических видов в другие. Тем самым он дал материалистическое, научное объяснение такого поразительного, «чудесного» явления, как приспособленность организмов к условиям среды, целесообразное устройство органических форм. Наконец, в цепь органической эволюции Дарвин включил и человеческий род, сделав несомненным тот факт, что человек, которого религия считает «подобием Божиим», вовсе не появился сверхъестественным путём, а имеет животное происхождение.

Учение Дарвина, справедливо названное дарвинизмом, опиралось на такую громаду фактов, объясняло так много «загадочных» биологических явлений, указывало столько новых путей для исследования и имело такое практическое значение для сельского хозяйства, что утвердилось в науке с поразительной быстротой, несмотря на ожесточённое сопротивление и бесчисленные нападки противников этого учения.

Энгельс уже 12 декабря 1859 г., т. е. вскоре после выхода в свет «Происхождения видов», писал Марксу о научном значении этого труда: «...до сих пор еще не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да еще с таким успехом»¹.

Все прогрессивные деятели науки и культуры восторженно отзывались об учении Дарвина, признав в нём великое научное открытие. Так, замечательный русский мыслитель и революционный демократ Д. И. Писарев (1840—1868) дал исключительно высокую оценку дарвиновскому учению, подчеркнув, что «почти во всех областях естествознания идеи Дарвина производят совершенный переворот»².

Необходимо отметить, что для русских учёных дарвинизм не был чем-то неожиданным. В России ещё до Дарвина были натуралисты, которые совершенно самостоятельно пришли к эволюционным воззрениям на живую природу (например, А. А. Каверзнев, живший в XVIII веке, и др.). В нашей стране имелась единственная в мире додарвиновская школа биологов-эволюционистов, наиболее видным представителем которой был известный русский учёный К. Ф. Рулье, умерший за год до появления книги Дарвина «Происхождение видов».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 468.

² Д. И. Писарев. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 315. Изд. 1904 г.

Взгляды русских биологов-эволюционистов додарвиновского периода были созвучны мировоззрению великих русских революционных демократов, классиков русской философии — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, — которые близко подошли к диалектическому материализму.

Всё это вместе взятое создало наиболее благоприятную почву именно в нашей стране для восприятия и быстрого распространения дарвинизма как материалистического учения о развитии живой природы. Такие выдающиеся русские натуралисты, как А. Н. Бекетов, братья Ковалевские, И. И. Мечников, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев и др., стоявшие по своим воззрениям намного выше представителей естественно-научного материализма на Западе, не только страстно пропагандировали и отстаивали дарвиновское учение, но и развивали его дальше.

Однако дарвинизму, хотя он впервые и поставил биологию на научную почву, всё же были присущи существенные недостатки. Для этого учения характерен плоский эволюционизм, т. е. отрицание качественных скачков в живой природе. Дарвин не смог вскрыть конкретных причин и закономерностей изменчивости организмов в процессе их взаимодействия с окружающей средой, не показал конкретной взаимосвязи изменчивости и наследственности. Поэтому учение Дарвина в значительной степени было созерцательным, не указывало конкретных путей планомерной переделки органического мира в интересах человека.

Главнейшим же недостатком классического дарвинизма явилось ошибочное перенесение Дарвином в теорию эволюции органического мира реакционнейших идей мальтузианства, т. е. бредового учения о перенаселении и об ожесточённой борьбе за существование на этой почве. Не случайно мальтузианские ошибки Дарвина были использованы реакционными буржуазными идеологами для создания так называемого «социального дарвинизма», неправомерно переносящего действительные и мнимые законы животного мира на человеческое общество и оправдывающего таким образом волчьи капиталистические порядки. Не случайно и мальтузианство и «социальный дарвинизм» использовались и используются апологетами империализма — от немецко-фашистских «теоретиков» до современных американских мракобесов — для «обоснования» человеконенавистнических идей и агрессивной империалистической политики, направленной на развязывание новой мировой войны.

Высоко оценивая значение дарвинизма, классики марксизма впервые вскрыли ошибки, допущенные Дарвином, и прежде всего его мальтузианские ошибки. На основе этих критических замечаний Маркса и Энгельса советские учёные, решая задачи, поставленные перед советской биологической наукой бурным развитием социалистического сельского хозяйства, освободили дарвинизм от мальтузианских ошибок, развили его дальше и подняли на новую, высшую ступень.

Уже К. А. Тимирязев (1843—1920) не только лучше других биологов своего времени понимал и защищал прогрессивные стороны учения Дарвина, но и двигал дарвинизм вперёд. Замечательный русский учёный указывал на связь дарвинизма с сельскохозяйственной практикой и был уверен в том, что дальнейшее развитие дарвинизма позволит открыть закономерности, на основе знания которых можно будет «лепить органические формы» в интересах людей.

Эту мечту осуществил великий преобразователь природы И. В. Мичурин (1855—1935), который на основании открытых им конкретных закономерностей развития живых существ разработал способы целенаправленного изменения человеком природы растений и действительно «лепил органические формы». Мичурин вывел около 350 прекрасных сортов плодовых и ягодных растений, подчёркивая, что целью человека является создавать новые формы растений быстрее и лучше, чем природа. «Мы должны, — писал Мичурин, — уничтожить время и вызвать в жизнь существа будущего, которым для своего появления надо было бы прождать века...»¹. Он выдвинул замечательный лозунг: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у неё — наша задача». Недаром на пьедестале памятника Мичурину высечены его вдохновенные слова: «Человек может и должен создавать новые формы растений лучше природы».

Учение И. В. Мичурина о путях целенаправленного изменения органических форм и закрепления этих изменений по наследству привело дарвинизм в соответствие с высоким уровнем развития социалистической сельскохозяйственной практики. Оно включило в себя и развило все лучшие, прогрессивные стороны учения Дарвина, которое в истории науки стало синонимом исторического воззрения на живую природу.

Однако мичуринский дарвинизм нельзя отождествлять с учением самого Дарвина, так как великий советский исследователь не просто развил старый, классический дарвинизм, а придал этой материалистической теории развития живой природы новое качество, поднял её на новую, высшую ступень. Мичурин создал творческий дарвинизм, который не только объясняет, но и изменяет органический мир, ибо познаёт живую природу в процессе её планомерной перестройки в интересах социалистического общества.

Это принципиально новое направление в биологической науке, прочно опирающееся на диалектический материализм, законно названо мичуринским направлением.

Крупнейшим представителем мичуринского направления в биологии является подлинный новатор агробиологической науки академик Т. Д. Лысенко, развивающий дальше советский

¹ И. В. Мичурин. Соч., т. IV, стр. 402. Сельхозгиз, 1948.

дарвинизм. В ходе своих работ, связанных с мичуринским учением о развитии и преднамеренном изменении человеком растений, Т. Д. Лысенко выявил огромное теоретическое и практическое значение выдвинутых Мичуриным принципов и до конца разоблачил реакционных учёных, противников мичуринского направления в биологической науке — вейсманистов-морганистов-менделистов. Именно Лысенко показал, что мичуринское учение является новой, высшей ступенью в развитии дарвинизма. Именно благодаря трудам Мичурина и Лысенко классический дарвинизм был не только освобождён от основных своих недостатков, но и приобрёл совершенно новые черты, будучи преобразованным в советский творческий дарвинизм.

Для того, чтобы получить правильное представление о том, как советский творческий дарвинизм по-новому ставит и решает проблемы теории развития органического мира, необходимо прежде всего разобрать вопрос о мальтузианских ошибках Дарвина и показать, каким образом дарвинизм был освобождён советскими биологами от этих ошибок. Именно этому и посвящена данная лекция.

Реакционные измышления мальтузианства

Появление дарвинизма было подготовлено значительными успехами естествознания и сельского хозяйства в Англии первой половины XIX века. Капитализм тогда переживал стадию бурного подъёма, и вызванное им развитие производительных сил обусловило известный прогресс в разных областях техники, сельского хозяйства и естествознания.

В связи с быстрым развитием промышленности в стране перед английским сельским хозяйством встала задача создания новых, более продуктивных пород домашних животных и более урожайных сортов культурных растений. Эта задача более или менее успешно разрешалась практической работой животноводов и растениеводов. Накопленный в процессе этой работы фактический материал нуждался в теоретическом осмыслении, ибо опыт растениеводов и животноводов наглядно показывал изменчивость органических форм, свидетельствовал о том, что человек может изменять природу животных и растений, и, таким образом, опровергал метафизическое представление о постоянстве видов.

Изменение сортов культурных растений и пород домашних животных производилось в то время главным образом путём искусственного отбора и последующего разведения нужных человеку особей. Теоретически осмысливая практику искусственного отбора, Дарвин должен был поставить вопрос о причинах изменения видов в естественном состоянии, где, конечно, не может быть речи о творческом, регулирующем влиянии человека. Ответом на этот вопрос послужила дарвиновская теория «есте-

ственного отбора», которая явилась материалистической сердцевиной всего дарвинизма. Однако при разработке своей теории Дарвин оказался под влиянием реакционных социальных идей буржуазного общества, что также было обусловлено исторически сложившейся к середине XIX века обстановкой.

К началу научной деятельности Дарвина в Англии значительно усилились классовые противоречия, а также конкуренция между отдельными группами капиталистов. Жесточайшая эксплуатация рабочих, массовое обнищание трудящихся и резкое ухудшение условий их жизни — всё это толкало пролетариат на борьбу с буржуазией. В конце 30-х годов прошлого столетия в Англии возникло, как говорил В. И. Ленин, «первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение»¹ — чартизм. Хотя это движение и было подавлено, оно серьёзно обеспокоило английскую буржуазию. Вот почему буржуазные идеологи стали спешно изыскивать различные способы для идеологического оболванивания народных масс с целью скрыть от трудящихся истинные причины их тяжёлого положения в условиях капитализма и заставить их примириться с этим положением. Для оправдания пороков и язв капитализма — жестокой эксплуатации рабочих, обнищания трудящихся, безработицы — апологеты буржуазии вытащили и подняли на щит антинаучное, реакционное «учение» английского попа, вульгарного экономиста Мальтуса.

В 1798 г. в своём сочинении «Опыт о законе народонаселения» Мальтус выдвинул утверждение о том, что, согласно якобы «законам природы», всему органическому миру присуще стремление к абсолютному перенаселению. По Мальтусу, средства существования увеличиваются будто бы только в арифметической прогрессии (1, 2, 3, 4, 5, 6 и т. д.), а рост населения происходит в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8, 16, 32 и т. д.). Отсюда следует, что человечество размножается якобы быстрее, чем увеличиваются средства существования, а потому бедность и нищета, страдания и вымирание народных масс являются — де необходимым, естественным законом, обусловлены не социально-экономическими причинами, не капиталистической системой, а «абсолютным» законом народонаселения — «неувязкой» между числом людей и наличием средств существования.

Таким образом, Мальтус выступил откровенным апологетом капитализма, выполняя социальный заказ буржуазии, которая стремилась убедить трудящихся, что «в бедствиях рабочего класса виновата природа, а не общественные отношения... Нищета — плод законов божеских, а не человеческих. Если в стране много бедняков, то некого винить в этом, кроме самих бедняков, которые слишком сильно плодятся. Невозможно придумать какие-нибудь меры для серьезного улучшения их

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 282.

участи... Участь бедняков зависит исключительно от них самих. Пусть они перестанут размножаться, — бедность исчезнет мало-по-малу сама собой»¹. Более того: Мальтус утверждал, что войны, эпидемии и другие «препятствия к размножению» служат на пользу человечеству.

Основоположники марксизма с исчерпывающей ясностью доказали всю антинаучность реакционных идей Мальтуса и разоблачили намерения этого лживого и лицемерного попа. Маркс указывал, что «большой шум, вызванный этим памфлетом (т. е. книгой Мальтуса. — Г. Г.), объясняется исключительно партийными интересами»², ибо «научные выводы Мальтуса построены в интересах господствующих классов вообще и реакционных элементов этих господствующих классов в особенности; иными словами, ради этих интересов он подделывает науку. Интересы же эти не считаются ни с чем, раз дело касается угнетенных классов. В этих случаях ни с чем не считается и Мальтус»³.

Энгельс охарактеризовал мальтузианство как «гноусную, низкую теорию», как «отвратительное издевательство над природой и человеком».

Маркс и Энгельс, разоблачая Мальтуса, доказали, что рост средств существования определяется в человеческом обществе характером и темпом развития производительных сил, производства в целом, которое нельзя уложить в рамки арифметической прогрессии. Достигнутый уже при капитализме уровень развития производительных сил даёт возможность обеспечить высокое благосостояние всех членов общества, но этому препятствует капиталистический строй, основанный на частной собственности на средства производства и на эксплуатации человека человеком. Владельцы средств производства, капиталисты заботятся вовсе не об удовлетворении потребностей широких народных масс, а лишь о накоплении капитала, об увеличении прибылей. Рост производства различных товаров при одновременном снижении покупательной способности масс, потребление которых капиталисты ограничивают крайним минимумом, приводит к систематическим кризисам перепроизводства, к безработице и нищете трудящихся. Во время кризисов население не покупает товаров не потому, что не нуждается в них, а потому, что трудящимся не на что покупать. Тогда капиталисты предпринимают массовое уничтожение товаров, стремясь поднять на них цены и спрос. Вместо производства средств к существованию непримиримые противоречия капиталистического общества приводят к массовому уничтожению этих средств в периоды кризисов, а также войн.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 187. Госиздат. 1925.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 677.

³ Карл Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 208. Партиздат. 1936.

Таков дикий закон капитализма, для оправдания и спасения которого и придуман «закон» Мальтуса. «Нужно признать, — отметил товарищ Сталин, — что система хозяйства, не знающая, куда девать «излишки» своего производства, и вынужденная их сжигать в момент, когда в массах царят нужда и безработица, голод и разорение, — такая система хозяйства сама произносит над собой смертный приговор»¹.

Разоблачая ухищрения Мальтуса, Энгельс писал по этому поводу: «Производится слишком мало — вот в чем дело. Но почему же производится слишком мало? Совсем не потому, что исчерпаны пределы производства, даже на сегодняшний день, при современных средствах. Вовсе нет, а потому, что пределы производства определяются не количеством голодных желудков, но количеством покупающих, способных платить кошельков. Буржуазное общество не желает и не может желать производить больше. Безденежные рабочие с пустыми желудками, труд которых нельзя применить с прибылью и которые, стало быть, не в состоянии покупать, попадают в цифру смертности»².

Больше того, развитие капитализма приводит к вытеснению рабочих машинами и образованию относительно избыточного рабочего населения в виде так называемой «резервной армии труда». В противовес Мальтусу Маркс в «Капитале» доказал, что не существует абстрактного, вечного, одинакового для всех социально-экономических формаций закона роста народонаселения, ибо каждому способу производства присущи свои особенные законы в этой области, имеющие, следовательно, исторический характер. Что касается капитализма, то при нём образуется не абсолютное, как утверждал Мальтус, а лишь относительное перенаселение, являющееся следствием специфических законов именно капиталистического способа производства и совершенно не зависящее от естественного прироста населения, от биологических закономерностей.

«...Рабочее население, — писал Маркс, — производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон населения, так как всякому особому историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек»³.

Маркс установил также, что относительное перенаселение, т. е. относительный избыток рабочих, представляет собой не

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 323.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 451.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 693—694.

только необходимый продукт развития капитализма, но, в свою очередь, является рычагом капиталистического накопления и даже условием существования капиталистического способа производства.

«Оно (избыточное рабочее население.— Г. Г.),— указывал Маркс,— образует промышленную резервную армию, которой может располагать капитал и которая так же абсолютно принадлежит ему, как если бы он вырастил ее на свой собственный счет. Она поставляет для его изменяющихся потребностей самовозрастания постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал, независимый от границ действительного прироста населения»¹. Капиталистическому производству недостаточно того количества свободной рабочей силы, которое доставляет естественный прирост населения. Для своего развития это производство нуждается в промышленной резервной армии, образующейся независимо от того, каков естественный прирост населения.

Таким образом, мальтузианство, рассматривающее рост населения лишь как простой биологический процесс, является совершенно ложным и несостоятельным. С тех пор как человек благодаря труду оторвался от животного мира, такие биологические функции, как питание и размножение, стали регулироваться уже не биологическими, а социальными факторами. «Условия размножения человека,— писал В. И. Ленин,— непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства»².

Пытаясь во что бы то ни стало доказать, что уровень жизни человечества снижается из-за чрезмерно быстрого роста населения, последователи Мальтуса начали говорить о существовании якобы в природе «закона убывающего плодородия почвы», который-де всё более ограничивает производство сельскохозяйственных продуктов и обуславливает растущую нищету масс. Разоблачая эту лженаучную теорию, Маркс писал: «...плодородие вовсе не есть такое уж природное качество почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями»³. Развитие земледелия в условиях буржуазного общества тормозится не законами природы, а самой капиталистической системой хозяйства, не только разоряющей крестьян, но и истощающей землю. В принципе же в буржуазном обществе «увеличилась не трудность производства пищи, а трудность получения пищи для рабочего... — указывал В. И. Ленин.— Объяснять эту растущую трудность су-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 694—695.

² В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 433.

³ К. Маркс. Нищета философии, стр. 112—113. Партиздат. 1937.

щества рабочих тем, что природа сокращает свои дары, — значит становится буржуазным апологетом»¹.

3 а Мальтузианцы не придают большого значения рациональному земледелию, уверяя, будто человек навсегда останется рабом природы. В действительности же человек способен сознательно управлять стихиями природы, но для этого требуется нечто большее, чем познание. «Для этого, — писал Энгельс, — требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всем нашем теперешнем общественном строе»².

Такой переворот и был совершён в нашей стране. И действительно, практика социалистического сельского хозяйства полностью опровергла реакционные измышления буржуазных идеологов. На основе широкого применения достижений советской агробиологической науки стахановцы колхозных полей добиваются урожаев, в 10—15 раз превышающих хорошие средние урожаи царской России. Средняя урожайность колхозных полей выше, чем в царской России, в 2 раза. При этом плодородие почвы в условиях социалистического земледелия неуклонно повышается, а производство сельскохозяйственных продуктов намного обгоняет прирост населения, который, в свою очередь, является у нас самым высоким в мире. Достаточно сказать, что в результате строительства гигантских электростанций на Волге и обводнения заволжских степей, а также вследствие высокого агрономического уровня работ на новых, обводнённых территориях наша страна всего через 5—7 лет получит такое дополнительное количество хлеба, которого хватит для прокормления ещё 70 миллионов человек.

34/11/49
Что же касается мальтузианских бредней относительно слишком якобы быстрого роста населения по сравнению с общим увеличением производства средств к существованию, то они также опровергаются всеми данными из истории человеческого общества и особенно из истории советского социалистического общества. С 1800 года по 1938 год население Европы увеличилось со 187 миллионов человек до 517 миллионов человек, т. е. почти в 3 раза. Между тем производство предметов потребления за это же время возросло во много раз больше. Население Советского Союза к 1939 году выросло меньше, чем в 1½ раза, по сравнению с количеством населения в царской России в 1913 году (без Польши), а объём промышленного производства за это же время возрос в нашей стране более чем в 9 раз, валовой сбор пшеницы — более чем в 2 раза, сахарной свёклы — в 2 раза и т. д. Советский строй создал безграничные возможности для роста урожайности и тем продемон-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 95.

² Фридрих Энгельс. Диалектика природы, стр. 142. Госполитиздат, 1949.

стрировал правильность лозунга Мичурина — не ждать милостей от природы, а взять их у неё!

Таким образом, «теория» Мальтуса является совершенно несостоятельной, антинаучной и была создана для оправдания пороков капиталистического строя, для оглушения трудящихся масс и отвлечения их от революционной борьбы с буржуазией — главной виновницей бедствий и нищеты многих миллионов пролетариев и беднейших крестьян. От дипломированных же проповедников мальтузианства невозможно ожидать логики, ибо, как говорил В. И. Ленин, «нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели»¹.

Мальтузианские идеи в учении Дарвина

Широкое распространение буржуазными идеологами и пропагандистами мальтузианства обусловило тот факт, что Дарвин ввёл в свою теорию эволюции наряду с материалистическим началом реакционные мальтусовские идеи.

Неизбежным следствием «теории» Мальтуса о «перенаселении» является утверждение о «борьбе за жизнь», которая будто бы представляет собой главную движущую силу в человеческом обществе и обрекает большинство людей на умирание. Этот антинаучный реакционный взгляд соответствует положению английского философа Гоббса (1588—1679) «о войне всех против всех», которое легло в основу буржуазного экономического учения о конкуренции и было очень популярно во времена Дарвина. Требование преуспевавших буржуа, сводившееся к тому, что «слабейший должен убираться к чертям», стало обосновываться тем, что «борьба за существование» якобы есть «всеобщий закон природы».

Дарвин, находившийся под влиянием всех этих буржуазных идей, сам указывал на принятие им мальтусовской схемы.

«В октябре 1838 г., через пятнадцать месяцев после того, как я приступил к своему систематическому исследованию, — писал Дарвин в своей автобиографии, — прочел я, ради развлечения, Мальтуса «О народонаселении». Будучи подготовлен продолжительными наблюдениями над образом жизни растений и животных, я оценил все значение повсеместно совершающейся борьбы за существование и сразу был поражен мыслью, что при таких условиях полезные изменения должны сохраняться, а бесполезные уничтожаться. Наконец, я обладал теорией, руководясь которой мог продолжать свой труд»².

Не следует, однако, думать, что Дарвин и на самом деле пришёл к центральному пункту своего эволюционного учения — теории естественного отбора — благодаря знакомству с мальту-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 128.

² Чарлз Дарвин. Собр. соч., т. 1, стр. 25. Изд. Поповой. 1898.

знанством. Ещё за девять месяцев до прочтения книги Мальтуса Дарвин сделал запись, в которой достаточно чётко выражена исходная идея естественного отбора — мысль о выживании приспособленных существ и вымирании неприспособленных в связи с условиями обитания. В этой записи говорится: «Что касается вымирания, то мы легко можем видеть, что разновидность страуса (Petise) может оказаться плохо приспособленной, а потому погибнет; или, с другой стороны... находясь в благоприятных условиях, сильно размножится. В основе этого лежит принцип, что постоянные изменения, вызванные размножением на ограниченной территории и изменяющимися условиями, продолжают существовать и развиваться в соответствии с приспособлением к таким условиям, и поэтому гибель видов является следствием... неприспособленности к обстоятельствам»¹.

Таким образом, до того, как Дарвин прочитал Мальтуса, он совершенно правильно считал, что вымирание связано с условиями существования организмов, а не с их перенаселением. Чтение книги Мальтуса буквально сбilo его с верного пути.

Плохо разбираясь в социологических и экономических вопросах, Дарвин некритически воспринял мальтусовские идеи и перенёс их на природу. В результате он пришёл к совершенно неправильной мысли о том, что борьба за существование вызывается якобы противоречием между огромной воспроизводительной силой организмов и ограниченностью средств для их существования и что эта борьба является основанием, единственной причиной естественного отбора — процесса, приводящего к изменению видов в естественном состоянии.

«Борьба за существование,— писал Дарвин,— неизбежно вытекает из быстрой прогрессии, в которой все органические существа стремятся размножиться... Поэтому, так как производится более особей, чем может выжить, в каждом случае должна возникать борьба за существование либо между особями того же вида, либо между особями различных видов, либо с физическими условиями жизни»².

Между тем дарвиновское учение не нуждается в реакционной мальтусовской фантазии, ибо эта последняя ничего не объясняет и находится в прямом противоречии с материалистическим содержанием дарвинизма.

Учение о естественном отборе, которое Дарвин справедливо назвал «утилитарным принципом», утверждает, что выживают лишь особи, приспособленные к окружающей среде, т. е. обладающие признаками, полезными для данного организма в данных условиях его существования. Из многочисленных примеров действия естественного отбора, приводимых Дарвином, сле-

¹ Чарлз Дарвин. Соч., т. 3, стр. 76. Изд. АН СССР. 1939.

² Там же, стр. 316.

дует, что перенаселение и вытекающая из него конкуренция не играют никакой роли в процессе эволюции. Так, при образовании быстро бегающих форм среди животных, преследуемых хищниками, не приходится говорить о перенаселении, ибо дело обстоит как раз наоборот. Ведь с уменьшением числа жертв интенсивнее становится преследование их хищниками, а в результате у последних вырабатываются приспособления к быстрому бегу. Не случайно сам Дарвин вынужден был заявить, что выражение «борьба за существование» он употребляет не в буквальном, а в широком и метафорическом смысле.

Приняв на веру «теорию» Мальтуса, Дарвин тем не менее был чужд стремлениям апологетов капитализма оправдать этой «теорией» пороки буржуазного строя и захватническую колониальную политику буржуазии. Честно мыслящий Дарвин был гуманистом: он являлся горячим защитником цветных рас и противником рабства, считая его «величайшей язвой на земле», «чудовищным пятном нашей хваленной свободы» и т. д. Рисуя отвратительные поступки «цивилизованных» рабовладельцев, Дарвин писал: «И такие дела делаются и защищаются людьми, которые исповедуют, что надо любить ближнего как самого себя, веруют в бога и молятся: да будет воля его исполнена на земле! Кровь кипит в жилах и сердце сжимается, когда подумаю, что мы, англичане, и потомки наши, американцы, с их вечными хвастливыми возгласами о свободе, причинили и продолжаем причинять столько зла...»¹.

Не удивительно поэтому, что Дарвин, хотя он и не понял эксплуататорской сущности и прислужнической роли мальтузианства, всё же не сделал из мальтусовского «закона абсолютного перенаселения» никаких реакционных выводов. Он даже писал, что «нищета наших бедняков является следствием не естественных законов, а нашего государственного строя»².

Однако Дарвин в силу своей буржуазной ограниченности не продумал до конца смысл этого важного заявления, приняв всерьёз принцип «абсолютного перенаселения» и перенес его на всю живую природу. Дарвин исходил из тезиса о присущей всем живым существам тенденции к безграничному размножению, тезиса, казавшегося ему неопровержимым. Это привело Дарвина к весьма серьёзной ошибке, которая заключалась в том, что неизбежной, обязательной предпосылкой естественного отбора, т. е. выживания наиболее приспособленных существ, он объявил перенаселение и якобы вытекающую из него конкуренцию между организмами, принадлежащими к одному виду.

Таким образом, Дарвин внёс в своё передовое учение неправильные положения, ведущие к представлению о внутривидовой борьбе, и тем создал почву для возникновения реакционной и

¹ Чарлз Дарвин. Соч., т. 1, стр. 417. Биомедгиз. 1935.

² Там же.

лженаучной теории «социального дарвинизма», использующей мальтузианские ошибки создателя эволюционной теории.

Эти ошибки Дарвина впервые были вскрыты основоположниками марксизма. Так, Маркс в письме к Энгельсу от 18 июня 1862 года писал: «У Дарвина, которого я теперь снова просмотрел, меня забавляет его утверждение, что он применяет «мальтусовскую» теорию т а к ж е к растениям и животным, между тем как у господина Мальтуса вся суть в том-то и заключается, что его теория применяется им н е к растениям и животным, а т о л ь к о к людям — с геометрической прогрессией — в противоположность растениям и животным. Замечательно, что Дарвин в среде животных и растений вновь открывает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, «изобретениями» и мальтусовской «борьбой за существование». Это — гоббсово *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех.— Г. Г.)...»¹.

Разоблачая сторонников «социального дарвинизма», Энгельс отмечал, что «все дарвиново учение о борьбе за существование является просто-напросто перенесением из общества в область живой природы гоббсова учения о *bellum omnium contra omnes* (войне всех против всех) и буржуазного экономического учения о конкуренции, а также мальтусовской теории народонаселения. Прodelав этот фокус (безусловная правомерность которого — в особенности, что касается мальтусовского учения — еще очень спорна), очень легко потом опять перенести эти учения из истории природы обратно в историю общества; и весьма наивно было бы утверждать, будто тем самым эти утверждения доказаны в качестве вечных естественных законов общества»².

Мальтузианские ошибки Дарвина, равно как и использование этих ошибок представителями «социального дарвинизма», были подвергнуты резкой критике и со стороны великого русского революционного демократа, учёного и философа Н. Г. Чернышевского (1828—1889). В своей статье «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» Чернышевский, не отрицая огромного значения дарвинизма и правильности его основных положений, выступил против ошибочных сторон дарвиновского учения, показав, что мальтузианская предпосылка теории естественного отбора явилась крупнейшим заблуждением Дарвина.

«...Дарвин,— писал Чернышевский,— вырвал из аргументации Мальтуса очаровавшую его мысль, не потрудившись рассмотреть мыслей, с которыми она соединена у его учителя и которыми определяется ее смысл. Он предположил в ней смысл, соответствующий его привычным понятиям о вещах... и по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 81.

² Фридрих Энгельс. Диалектика природы, стр. 249.

строил на фальшиво понятом обрывке публицистической защиты торийского министерства, поддерживаемого большинством вигов, теорию развития органической природы. Таков источник теории благотворности борьбы за жизнь; он — грубое недоразумение»¹.

Таким образом, оказавшись под влиянием мальтузианских идей, Дарвин ввёл в свою эволюционную теорию ряд положений, противоречащих, по существу, материалистической основе этой теории и представивших собой почву для реакционных измышлений так называемого «социального дарвинизма». Именно это влияние и обусловило целый ряд недостатков теории естественного отбора.

Недостатки теории естественного отбора

Основная ошибка Дарвина заключается в том, что, анализируя процесс естественного отбора, он придал под влиянием Мальтуса слишком большое значение борьбе за существование, выдвинул в качестве главной причины этой борьбы фактор перенаселения и пришёл, таким образом, к выводу о главенствующей роли внутривидовой борьбы за существование.

Правда, объективно Дарвин всем содержанием своей теории опровергает мальтузианство. Больше того, целый ряд формулировок Дарвина, по сути дела, представляет собой нечто, прямо противоречащее положениям Мальтуса.

В самом деле, по Мальтусу, человек размножается в геометрической прогрессии, а средства его существования увеличиваются в арифметической прогрессии. Но основным средством существования и прежде всего питания для человека являются животные и растения, которые (уже по Дарвину) размножаются также в геометрической прогрессии. Таким образом, в отношении культивируемых человеком органических форм геометрическая прогрессия размножения даёт полную возможность обеспечить любые потребности человечества. Значит, вообще говоря, не существует никакого принципиального, неразрешимого противоречия между ростом населения и увеличением количества основных средств существования.

С другой стороны, Дарвин совершенно определённо указывает, что человек, в отличие от всех других живых существ, «искусственно» увеличивает количество своей пищи. Это замечание фактически разбивает «учение» Мальтуса, который намеренно игнорировал возможности производства.

Однако, опровергая, по существу, «теорию» Мальтуса, Дарвин субъективно рассматривал процесс естественного отбора сквозь «мальтусовские очки». Он исходил из факта «чрезмерной расточительности» природы в произведении потомства, не

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 42, 1906.

догадавшись, что этот факт — необходимое следствие естественного отбора. А между тем нелепо думать, что естественный отбор, способствующий целесообразности всякого свойства организмов, не распространяется на размножаемость — важнейшее свойство организмов. Не подлежит сомнению, что высокая рождаемость имеет приспособительное значение, то есть направлена на пользу вида, является приспособлением против высокой смертности потомства: она средство не для борьбы внутри вида, а для выживания в борьбе с другими видами и с физическими условиями. Поэтому хищники, обладающие достаточными средствами нападения и защиты от врагов (например, острыми зубами и когтями), производят гораздо меньше детёнышей, чем животные, имеющие слабые средства защиты.

Маркс, имея в виду «Происхождение видов», писал: «Дарвин в своем превосходном сочинении не видел, что он опровергает теорию Мальтуса, открывая в царстве животных и растений «геометрическую» прогрессию. Теория Мальтуса основывается как раз на том, что он уоллесовскую геометрическую прогрессию человека противопоставляет химерической «арифметической» прогрессии животных и растений. В произведении Дарвина, например, в обсуждении причин вымирания видов, заключается и детальное — не говоря об его основном принципе — естественно-историческое опровержение мальтусовской теории»¹.

Точно так же и Энгельс, выступая против заявления Дюринга о том, что дарвинизм якобы обладает всеми теми недостатками, которые свойственны богословско-мальтузианским воззрениям на избыточность народонаселения, указывал: «И как бы велик ни был промах Дарвина, столь наивно принявшего без критики учение Мальтуса, все же каждый может с первого взгляда заметить, что не требуется мальтусовских очков, чтобы увидеть в природе борьбу за существование, увидеть в ней противоречие между бесчисленным множеством зародышей, которые расточительно производит природа, и незначительным количеством тех из них, которые вообще могут достичь зрелости, — противоречие, которое действительно разрешается большей частью борьбой за существование, подчас крайне жестокой... Впрочем, организмы в природе также имеют свои законы населения, еще почти совершенно не исследованные; установление их несомненно будет иметь решающее значение для теории развития видов. А кто дал и в этом направлении решающий толчок? Не кто иной, как Дарвин»².

Противоречия между объективно верными положениями дарвинизма и субъективным стремлением Дарвина обосновать

¹ Карл Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 209.

² Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 65—66. Госполитиздат. 1948.

эти положения мальтусовскими идеями пронизывают всю дарвиновскую теорию эволюции. Дарвин преувеличивал значение борьбы за существование в органическом мире, ошибочно считая её единственной основой естественного отбора. И тот же Дарвин неоднократно говорил о том, что взаимоотношения между организмами очень сложны, что они не ограничиваются только борьбой между ними, но выражаются и в таких формах, как симбиоз, стадность и т. д. Неправомерно придавая особое значение внутривидовой борьбе, Дарвин в то же время допускал не только внутривидовую, но и межвидовую борьбу, а также «борьбу» с условиями существования и привёл немало фактов, которые показывают, что борьба за существование происходит и без наличия перенаселения, когда не приходится говорить о недостатке в жизненных средствах.

И не случайно К. А. Тимирязев, преодолевая противоречивость дарвиновского учения и выделяя всё наиболее ценное в нём, писал, что «у самого Дарвина эта прямая (т. е. внутри- и межвидовая.— Г. Г.) борьба играет ничтожную роль. Его борьба за существование, по преимуществу, не агрессивная, а защитная для ограждения от враждебных стихий и всяких неблагоприятных условий существования...

Естественный отбор сохранил бы все свое значение, если бы даже вовсе не существовало хищных животных, даже вовсе без животных,— тем не менее, именно у растений находим мы чуть не самые поразительные примеры приспособления — особенно в гармоническом строении цветов и насекомых, в явлениях симбиоза и т. д. Сущность дарвинизма в законе естественного отбора, борьба же за существование — случайное явление: она может отсутствовать в бессознательной природе и должна отсутствовать в нормальной сознательной деятельности человека»¹.

Действительно, главное в дарвинизме — естественный отбор, причём основой его, как это особенно чётко выявил академик Лысенко, является выживаемость, т. е. процесс приспособления организмов к среде, а не борьба за существование как результат перенаселения.

Сам Дарвин в ряде случаев просто забывает о внутривидовой конкуренции. Так, сосчитав всходы сорных трав на небольшом клочке земли, где одни растения не могли быть заглушены другими (т. е. где не было их взаимовытеснения, а значит и конкуренций), Дарвин нашёл, что из 357 взошедших сорняков 295 были истреблены главным образом слизняками и насекомыми. В другом месте Дарвин приводил пример с бескрылыми жуками острова Мадейра, которые уклоняются от борьбы с ветрами, т. е. вовсе не летают, чтобы не быть унесёнными в море сильным ветром. Следовательно, далеко

¹ К. А. Тимирязев. Соч., т. VI, стр. 228—229. Сельхозгиз. 1939.

не всегда естественный отбор, приводящий к образованию полезных приспособлений (в данном случае бескрылость), вызван борьбой из-за перенаселения; он происходит и там, где нет конкуренции. Дарвин признавал это, заявив, например, что «на крайних границах жизни, в полярных ли странах или на окраине настоящей пустыни, прекращается всякая конкуренция»¹. Однако в целом Дарвин всё же переоценил значение борьбы за существование в процессе естественного отбора, как это впервые показали основоположники марксизма.

Энгельс выступал против тех, кто повсюду в природе видел или только гармонию или только борьбу. «Обе эти концепции,— писал Энгельс,— правомерны в известных узких границах, но обе одинаково односторонни и ограничены. Взаимодействие мертвых тел природы включает гармонию и коллизию; взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Следовательно, уже в области природы нельзя провозглашать только одностороннюю «борьбу». Но совершенное ребячество — стремиться подвести все богатое многообразие исторического развития и его усложнения под тощую и одностороннюю формулу: «Борьба за существование». Это значит ничего не сказать или и того меньше»².

Развивая эту мысль, Энгельс подчёркивает, что хотя борьба вследствие перенаселения, возможно, и имеет место на известных ступенях животного царства, но она не играет скольконибудь существенной роли в общем процессе органической эволюции. Гораздо большее значение в процессе видообразования Энгельс придаёт влиянию внешней среды и в особенности климатическим изменениям. Он считал, что изменение жизненных условий, а следовательно, и перемена образа жизни растительных и животных организмов является самостоятельным фактором органической эволюции, действующим независимо от того, имеется или не имеется перенаселение. По Энгельсу, достаточно только допустить «постоянную борьбу приспособления и наследственности», чтобы объяснить весь процесс развития органических форм без какого бы то ни было мальтузианства.

Таким образом, Энгельс уточнил представление о естественном отборе и этим внёс очень важную поправку в классический дарвинизм. «Ошибка Дарвина,— писал Энгельс,— заключается именно в том, что он в своем «естественном отборе и в выживании наиболее приспособленных» смешивает две совершенно различные вещи:

- 1) Отбор под давлением перенаселения, где наисильнейшие,

¹ Чарлз Дарвин. Соч., т. 3, стр. 326.

² Фридрих Энгельс. Диалектика природы, стр. 249.

быть может, и выживают в первую очередь, но могут оказаться вместе с тем и наименее приспособленными в некоторых отношениях.

2) Отбор благодаря большей способности приспособления к изменившимся обстоятельствам, где выживающие индивиды лучше приспособлены к этим обстоятельствам, но где это приспособление может быть в целом как прогрессом, так и регрессом (например, приспособление к паразитической жизни всегда регресс)»¹.

Следовательно, по Энгельсу, естественный отбор неотделим от действия среды: условия существования оказывают на организм одновременно и отбирающее и преобразующее влияние. У Дарвина же не было достаточной ясности в этом вопросе. С одной стороны, он рассматривал естественный отбор и преобразующее действие среды как будто в отрыве друг от друга, указывая на то, что естественный отбор не вызывает изменчивости, а предполагает только сохранение таких изменений, которые возникают и полезны для организма при данных жизненных условиях. С другой стороны, Дарвину не чужда была и мысль о совместном изменяющем и отбирающем действии жизненных условий. «В одном, только смысле,— писал он,— жизненные условия, можно сказать, не только вызывают изменчивость, прямо или косвенно, но и включают естественный отбор; это в том именно смысле, что эти условия определяют, выживет ли та или другая разновидность»².

Следовательно, мальтузианские ошибки Дарвина не затрагивают существа его эволюционной теории, ибо, как метко выразился Энгельс, установить наличие в органической природе борьбы за существование в широком смысле можно и без мальтусовых очков. Однако эти ошибки породили в корне ошибочную идею внутривидовой борьбы как главного проявления борьбы за существование, идею, от которой освободили дарвинизм только советские учёные-биологи во главе с Т. Д. Лысенко.

Ошибочность идеи внутривидовой борьбы

Выдающиеся успехи советских биологов в деле творческого развития дарвинизма и освобождения его от мальтузианских ошибок в известной мере были подготовлены работами ряда русских учёных-дарвинистов. Характерной чертой русского эволюционизма было не догматическое, а критическое усвоение идей Дарвина. Крупнейшие русские дарвинисты справедливо указывали на ошибочные положения Дарвина, прежде всего на его мальтузианские ошибки, и старались освободить от них дарвиновскую эволюционную теорию.

Уже в 1882 г. выдающийся русский ботаник А. Н. Бекетов

¹ Фридрих Энгельс. Диалектика природы, стр. 248—249.

² Чарльз Дарвин. Соч., т. 3, стр. 368.

(1825—1902), который был эволюционистом ещё до опубликования «Происхождения видов», подчёркивал, что состязание из-за перенаселения отнюдь не представляет собою всеобщего явления в органическом мире. В своей речи, посвящённой смерти Дарвина, Бекетов говорил: «Нельзя, очевидно, складывать всякое уничтожение организмов на жизненное состязание, ибо оно проявляется только при ограниченности пространства и излишке в нарождении. Если же этих условий нет налицо, то так называемый закон Мальтуса не применим... Капские эндемические растения, коих больше 2 500 видов (430 родов...), растут очень часто так уединенно, что антагонизм между ними невозможен... Гибель бесчисленных биллионов органических существ от морозов и засухи, от наводнений, ураганов, землетрясений и подобных общих сил нельзя приписывать жизненному состязанию»¹.

Прекрасный образец пропаганды и вместе с тем творческого, критического подхода к дарвинизму дал великий русский учёный И. И. Мечников (1845—1915), выступивший в 1878 г. с работой «Очерк вопроса о происхождении видов». В этой работе Мечников показал, что мальтузианские ошибки привели Дарвина к глубоким противоречиям. Так, Мечников обратил внимание на то, что, по Дарвину, в замкнутых водоёмах ввиду ограниченности пространства должна была бы особенно ясно проявиться перенаселённость, а следовательно, и внутривидовая конкуренция, ведущая к резкой дивергенции (расхождению признаков). А между тем в действительности пресноводные растения в таких водоёмах сохраняют древние черты строения и представлены сравнительно небольшим числом видов. Этот факт, конечно, говорит о несостоятельности «закона» Мальтуса и идеи внутривидовой конкуренции.

Впрочем, и сам Дарвин неоднократно обращал внимание на этот интересный факт. В начале 1860 г., например, он в письме к Ляйелю, говоря о характере некоторых водных организмов, отметил: «...я предполагаю... что они сохранились, обитая в пресных водах и в изолированных частях света, где соревнование было менее напряженным, а действие естественного отбора более медленным, ввиду немногочисленности особей, способных населять [такие] небольшие районы...»². Однако Дарвин не заметил, что это обстоятельство резко противоречит его представлению о внутривидовой борьбе как факторе органической эволюции.

Впервые на это указал Мечников, который писал: «В действительности оказывается, что усиленная плодовитость далеко не имеет столь важного значения в возбуждении

¹ А. Н. Бекетов. Дарвинизм с точки зрения общефизических наук (отдельный оттиск), стр. 8, 18.

² Чарльз Дарвин. Избранные письма, стр. 124. Изд. иностранной литературы. 1950.

борьбы, как это было предположено Дарвином, что в этом отношении несравненно большую роль играет конкуренция и борьба разнородных форм». В связи с этим Мечников пришёл к заключению: «...ясно, что момент перенаселения в деле трансформизма отступает на задний план»¹ и что усиленная плодовитость живых существ зачастую является просто результатом естественного отбора. Всё же Мечников не отрицал перенаселения и внутривидовой борьбы, а только придавал им второстепенное значение.

Замечательный пропагандист дарвинизма К. А. Тимирязев также резко выступал против приложения мальтузианства к человеческому обществу, так как ясно видел всю несостоятельность и реакционность этого «учения». Однако он всё же допускал (как это видно из его — ставшего популярным — примера с одуванчиком) возможность применения «закона» Мальтуса по отношению к живой природе и поэтому разделял ошибку Дарвина, утверждавшего, будто именно перенаселённость и является основной причиной естественного отбора.

Только советская биологическая наука, опираясь на достижения социалистической сельскохозяйственной практики и руководствуясь марксистско-ленинским мировоззрением, полностью преодолела ограниченность классического дарвинизма, освободила его от ошибочных положений и творчески развила дальше, подняв дарвинизм на новую, высшую ступень. Особую роль в этом деле сыграли выдающиеся работы академика Т. Д. Лысенко.

Лысенко в своих работах убедительно показал, что теория естественного отбора — этот краеугольный камень дарвинизма — должна быть видоизменена, что из трёх факторов, которые, как считал Дарвин, обуславливают процесс естественного отбора — изменчивости, наследственности и перенаселённости — необходимо удалить перенаселённость (т. е. чрезмерную плодовитость) и заменить её выживаемостью (т. е. способностью организма вступать в единство с окружающими его условиями, а благодаря этому жить, расти, развиваться, размножаться). В связи с этим по-новому встал вопрос о противоречиях между организмами, а значит и о борьбе за существование в мире растений и животных, особенно о внутривидовой борьбе.

Как известно, Дарвин указывал на то, что число организмов зрелого возраста во много раз меньше, чем число народившихся детёнышей. Причину этого несоответствия Дарвин, исходя из «теории» Мальтуса, видел во внутривидовой конкуренции. «Борьба за существование, — писал Дарвин, — особенно упорна между особями и разновидностями одного и того же

¹ И. И. Мечников. О дарвинизме, стр. 123, 121. Изд. АН СССР. 1943.

вида», иными словами,— между сходно устроенными существами, имеющими одинаковые потребности. Однако Дарвин вовсе не доказал, что перенаселённость и внутривидовая борьба между особями действительно имеют место в природе, как нечто необходимое, неизбежное. Не случайно, что при всём своём пристрастии к фактическим данным он не привёл никаких конкретных фактов, свидетельствующих о наличии внутривидовой борьбы за существование.

Все примеры, использованные Дарвином для иллюстрации борьбы за существование в живой природе (таракан прусак вытесняет чёрных тараканов и пр.), касаются не особей, а видов, т. е. относятся не к внутривидовой, а к межвидовой борьбе. Так, Дарвин указывает на то, что устройство ножек водяного паука позволяет ему состязаться с другими водяными насекомыми. Но ведь это приспособление всего вида, присущее каждой его особи, и оно нужно не для внутривидовой, а для межвидовой борьбы.

В подтверждение наличия в природе жестокой внутривидовой борьбы или конкуренции Дарвин привёл лишь пример с пшеницей. Он писал: «...если несколько разновидностей пшеницы будут посеяны вместе и смешанные семена высеяны вновь, то некоторые из разновидностей, более соответствующие почве и климату, или от природы более плодовые, победят других, дадут более семян и, следовательно, в несколько лет вытеснят остальные»¹.

Однако Т. Д. Лысенко показал, что этот пример можно объяснить и без допущения внутривидовой конкуренции. «...Менее урожайная разновидность пшеницы, менее соответствующая климату,— пишет Лысенко,— будет при выращивании в смеси относительно уменьшаться вовсе не потому, что её, согласно закону внутривидовой конкуренции, вытесняют более урожайные, более приспособленные разновидности, а потому только, что она менее урожайна»².

Необходимо иметь в виду, что особь невозможно отделить от вида, ибо вид существует только в каждой особи, из совокупности которых он состоит. Дарвин же не учёл того, что общее внутри вида обязательно преобладает над различиями его отдельных особей, так как иначе невозможно возникновение и сохранение нового вида. Ведь если бы действительно существовала внутривидовая борьба, она по необходимости вылилась бы в абсолютную рознь, в «войну всех против всех», и, следовательно, послужила бы непреодолимым препятствием для образования биологического сходства особей, т. е. всего того, что определяет вид.

¹ Чарлз Дарвин. Соч., т. 3, стр. 324.

² Академик Т. Д. Лысенко. Агробиология, стр. 414. Изд. 3-е. Сельхозгиз. 1948.

С другой стороны, особи одного и того же вида, избегая самоуничтожения вида, просто уклонялись бы от состязания. Ведь внутривидовая борьба неизбежно вела бы к ослаблению каждого данного вида и явилась бы для него прямо губительной в ходе межвидовой борьбы. Выжить в таких условиях могли бы только те виды, которые не ослабляются внутривидовой борьбой и, следовательно, особи которых переходят к одиночному образу жизни. Но этому противоречат, например, факты общительности особей, которую мы видим у пчёл, муравьёв, термитов и др.

Наконец, само собой разумеется, что нельзя было бы считать полезным закрепление приспособлений для внутривидовой борьбы, ведущей к уменьшению численности особей вида. Ведь, согласно теории естественного отбора, закрепляются лишь такие свойства, которые полезны виду, так что допущение наличия внутривидовой борьбы противоречит самому существу этой теории. Вот почему у растений и животных не обнаружено приспособлений, направленных на защиту в борьбе с особями своего вида. Когти и зубы, колючки, ядовитый сок, быстрый бег, защитная окраска и т. п. — всё это приспособления, имеющие значение лишь в межвидовой борьбе.

Факты говорят о том, что наиболее ожесточённая борьба происходит лишь между родами и семействами животных. В пределах же одного вида борьбы между особями, как правило, не бывает, что вынужден был констатировать и Дарвин. «...Повидимому, там, где конкуренция наиболее серьёзна, — писал он, — преимущество разнообразия в строении, сопровождаемого различиями в конституции и образе жизни, определяет то, что тесно живущие друг около друга обитатели принадлежат, как общее правило, к тому, что называем различными родами и отрядами»¹. Однако это заявление Дарвина не получило у него дальнейшего развития. «Причины, препятствующие естественному стремлению каждого вида возрасть в числе, крайне темны», — откровенно сознался он, ограничившись лишь теоретическими подсчётами возможного возрастания численности живых существ вследствие их способности ускоренно размножаться и сделавши отсюда вывод о неизбежности конкуренции между организмами, принадлежащими к одному и тому же виду, вследствие перенаселения, т. е. нехватки пищи.

Т. Д. Лысенко, исходя из практики сельского хозяйства, выступил с критикой этой точки зрения Дарвина, считая её неверной, построенной лишь на умозрительных предположениях, не соответствующей основным биологическим закономерностям и по существу противоречащей самой сущности дарвиновского эволюционного учения. В самом деле, мы не знаем таких фактов, которые доказывали бы, что перенаселённость особей

¹ Чарльз Дарвин. Соч., т. 3, стр. 352.

одного и того же вида действительно имеет место в природе, как правило, и что поэтому неизбежна внутривидовая конкуренция. Никто не мог обнаружить, говорит Лысенко, что зайцы мешают друг другу больше, чем им мешают волки, или что волки вредят друг другу больше, чем им вредят зайцы тем, что, имея тонкий слух и длинные ноги, удирают от них и оставляют волков голодными. Конечно, есть противоречия и между особями одного вида, но их нельзя смешивать с межвидовыми противоречиями.

Соображения Т. Д. Лысенко очень вески. Они приводят к заключению, что интенсивное размножение в мире растений и животных совсем не играло той роли, какую приписывал ему Дарвин. Ведь не подлежит сомнению, что вид никогда не проигрывает от быстрого увеличения количества особей. Наоборот, интенсивное размножение есть, как уже было сказано, средство существования вида, так что в природе никакого внутривидового перенаселения, как правило, нет и быть не может. Перенаселённость, когда она имеет место, не всеобща, временна, случайна и, стало быть, не является определяющим фактором развития живой природы. Другими словами, хотя организмы потенциально способны беспредельно размножаться, перенаселённость в природе, как общее правило, не реализуется, так как для этого нет соответствующих условий внешней среды.

Если в природе иногда и имеет место перенаселённость, то это происходит, как указывает Лысенко, не в силу биологической необходимости, а чисто случайно и крайне редко. С другой стороны, в этих случаях у организмов наблюдается ослабленность жизненных процессов, так что перенаселённость ни в какой степени не является фактором естественного отбора, движущей силой эволюции. «Согласно учению об естественном отборе,— говорит Т. Д. Лысенко,— для вида никогда не может быть полезно, а, наоборот, было бы вредно закреплять приспособления для внутривидовой конкуренции. Закрепление свойств, вредных для вида, приводящих к уменьшению численности его особей (а ведь это было бы неизбежно, если бы была внутривидовая конкуренция), противоречит всему духу учения Дарвина — Тимирязева об естественном отборе»¹.

Что же касается причин значительного несоответствия между числом зачатков и числом взрослых особей, то в каждом отдельном случае они бывают различны. Необходимо помнить о действительных размерах того истребления, которому подвергаются живые организмы вследствие межвидовой борьбы за существование и действия условий внешней среды. Истребление менее приспособленных живых существ в прямой и косвенной борьбе с другими видами и с изменяющимися факторами окру

¹ Академик Т. Д. Лысенко. Агробиология, стр. 403.

жающей среды очень велико. Именно поэтому способность организмов к размножению оказывается достаточной лишь для поддержания численности вида, а до перенаселённости ни один вид в природе, как правило, не доходит. Обычно же в природе наблюдается недонаселённость.

К отрицанию идеи перенаселённости, приводящей к утверждению конкуренции в пределах вида, Т. Д. Лысенко пришёл на основании соображений, подсказанных сельскохозяйственной практикой. Так, из практики известно, что есть немало таких сельскохозяйственных растений (люцерна, клевер и др.), у которых весь урожай семян используется только для посева, и, тем не менее, всех этих семян не хватает для расширения посевных площадей. Известно далее, что сортовые посевы зерновых необходимо освобождать от их антагонистов — несортowych примесей; из среды высокоурожайных форм растений удаляют низкоурожайные формы, которые, несмотря на свою количественную незначительность и низкую урожайность, всё же не исчезают, как это должно было бы произойти, если бы существовала внутривидовая конкуренция. Заслуживает внимания также и то обстоятельство, что если на засорённых почвах желают получить урожай культурного растения, то приходится обязательно прибегать к увеличению нормы высева семян, т. е. сеять погуще. Но особенно замечателен следующий, установленный Лысенко факт: каучуконос кок-сагыз, высеянный «гнездами» (по сто — двести семян в каждую лунку, окружённую свободной площадью в четверть квадратного метра), даёт больше корней и семян, чем в природных условиях или в сельскохозяйственной практике при единичном, негрупповом равномерном распределении его семян.

Такого рода факты и привели Т. Д. Лысенко к выводу, что в сельскохозяйственной практике мы не сталкиваемся с необходимостью бороться с последствиями перенаселения, но зато нам приходится принимать меры против недонаселённости. Поэтому он указывает, что агрономы должны иметь в виду не внутривидовую конкуренцию, а борьбу между особями разных видов, пользующихся одними и теми же условиями окружающей среды (борьба с сорняками, с вредителями и т. д.).

«В практике всегда имеется в виду не внутривидовая конкуренция растений, а междувидовая, — подчёркивает Т. Д. Лысенко, — всегда имеется в виду конкуренция за условия жизни не между особями одного и того же вида, а между особями разных видов, пользующихся одними и теми же условиями окружающей среды... Борьбу за существование через особи ведёт каждый вид. Эта борьба бывает как со многими невзгодами, причиняемыми мёртвой средой, так и ещё больше — с живой окружающей средой, населённой представителями других видов, из которых одни прямо пожирают особей данного вида, а другие являются конкурентами за

условия жизни... Численность особей данного вида, как правильно говорит теория дарвинизма, обуславливается в основном не столько большой рождаемостью, сколько условиями, дающими возможность выживать наибольшему числу особей»¹.

На этом основании советский мичуринский дарвинизм отвергает наличие не только внутривидовой борьбы за существование, но и внутривидовой взаимопомощи, ибо ни то, ни другое не может быть основной причиной естественного отбора и, следовательно, не объясняет ни целесообразности устройства, ни многообразия органических форм.

«Среди видов, хотя, конечно, далеко не между всеми... — говорит Т. Д. Лысенко, — действительно есть, и нередко даже жестокая, межвидовая конкуренция за условия жизни. Новые виды зарождаются и выходят (обособляются) через разновидность старого вида. Поэтому во всех тех случаях, когда новый и старый виды являются конкурентами, что далеко не всегда бывает, одновременно с зарождением нового вида в недрах старого зарождается и конкуренция за условия жизни. Эту конкуренцию, поскольку зарождающийся новый вид ещё как бы входит в старый, вернее, является ещё как бы разновидностью старого вида, можно назвать внутривидовой, но одновременно она является уже и межвидовой, между старым и новым, обособляющимся видом. Другими словами, поскольку виды растений в природе постоянны, постольку отсутствует внутривидовая конкуренция. Непостоянство видов, образование новых видов из старых в ряде случаев (но, конечно, не всегда) порождает как бы внутривидовую конкуренцию. На самом деле это уже зачатки межвидовой конкуренции за условия жизни»².

В своих работах Т. Д. Лысенко чётко поставил вопрос о характере противоречий в живой природе. Он привёл факты, показывающие, что эти противоречия бывают антагонистическими и неантагонистическими. Основанием антагонизма в живой природе является не внутривидовая, а межвидовая борьба, столкновение старых видов с новыми и вытеснение одного вида другими. Следовательно, по-новому ставится вопрос о межвидовых и внутривидовых отношениях, а значит, и вопрос о борьбе за существование.

«...Сам Дарвин, будучи великим натуралистом, положившим начало научной биологии, сделавшим эпоху в науке, не мог удовлетвориться принятой им схемой Мальтуса, которая на самом деле в корне противоречит явлениям живой природы, — говорит Лысенко. — Поэтому Дарвин, под давлением огромного числа собранных им же биологических фактов, в ряде случаев был вынужден в корне изменять понятие «борьба за существо-

¹ Академик Т. Д. Лысенко. Агробиология, стр. 411, 412, 416.

² Там же, стр. 418—419.

вание», значительно расширять его, вплоть до объявления его метафорическим выражением»¹.

Эта противоречивость дарвиновской теории развития органического мира обусловлена прежде всего классовыми причинами. Она неизбежный результат воздействия капиталистической надстройки (в данном случае мальтузианства, как элемента буржуазной идеологии) на науку того времени.

Естественно, что только в условиях советского социалистического общества, где господствующим является единственно верное и подлинно научное марксистско-ленинское мировоззрение, дарвинизм смог освободиться от этих противоречий, от привнесения в науку всех чуждых ей идей. Советские мичуринские дарвинисты сознательно положили в основу своей научной деятельности методологию диалектического материализма. В опровержении идеи перенаселения и внутривидовой борьбы, как и в разрешении ряда других общепрограммических проблем, ярко сказывается превосходство этого мировоззрения Мичурина и его школы над мировоззрением Дарвина. Это превосходство обусловлено неизмеримым превосходством социалистического строя над капиталистическим. Только в нашей стране победили подлинно передовые идеи в биологии, что особенно ярко показала сессия ВАСХНИЛ в 1948 г., посвящённая вопросу о положении в биологической науке.

Таким образом, дарвинизм нашёл в нашей стране свою вторую родину. Советские биологи действительно творчески развили дарвинизм, освободив его от мальтузианских идей, за которые уцепились идеологи империализма в своём стремлении оправдать пороки капиталистического строя и обеспечить покорность эксплуатируемых масс.

Мальтузианство и социальный дарвинизм на службе империалистической реакции

Если в нашей стране усилиями советских учёных дарвинизм был творчески развит и поднят на новую ступень, то в капиталистических странах (в том числе на родине Дарвина — в Англии) дарвиновское учение давно уже находится в загоне. В США дарвинизм фактически загнан в подполье. Голоса дарвинистов-материалистов, обычно довольно робкие, во всех странах капитала заглушаются громкими речами антидарвинистов разных толков, стоящих на идеалистических и метафизических позициях.

Вслед за реакционным натуралистом Вейсманом антидарвинисты Запада давно уже стремятся подорвать учение Дарвина изнутри: под флагом «науки» они хотят обезвредить и

¹ Академик Т. Д. Лысенко. О положении в биологической науке, стр. 8. Сельхозгиз, 1948.

опошлить дарвинизм, вытравить из него материалистическое объяснение эволюции (теорию естественного отбора) и таким образом удушить его научную основу. В то же время идеологи буржуазии поднимают на щит мальтузианство и «социальный дарвинизм», стараются использовать мальтузианские ошибки Дарвина для оправдания и «обоснования» агрессивной политики американского империализма, его стремления к мировому господству.

Одной из характерных черт методологии буржуазных учёных является перенесение закономерностей, присущих одной области явлений, на другую область, игнорирование качественных особенностей различных областей действительности. Именно на этом приёме и построен «социальный дарвинизм», который механически переносит на человеческое общество законы, якобы действующие в живой природе.

Гнусные измышления «социальных дарвинистов» всецело построены на мальтузианских ошибках Дарвина и имеют своей целью «доказать», будто положение Мальтуса о борьбе за существование, якобы лежащее в основе учения Дарвина о естественном отборе, представляет собою «вечный и неизменный» закон не только природы, но и человеческого общества. «Социальный дарвинизм» используется апологетами империализма для «обоснования» расистских бредней, ибо утверждает, что страдания народных масс вызваны не эксплуататорским строем, а универсальным законом, над которым человек не властен и который благотворно действует на человечество, так как ведёт будто бы к отбору «лучших» людей и к уничтожению малоценных, наименее приспособленных особей.

Весь этот человеконенавистнический бред, который пытались осуществить на практике немецкие фашисты, а теперь пытаются осуществить американские империалисты, давно уже опровергнут советской наукой, опирающейся на гранитный фундамент марксистско-ленинской теории.

«Советские ученые, — говорится в одном из заявлений Президиума Академии наук СССР, — категорически отвергают попытки переносить на общественную жизнь биологические закономерности, в том числе и выводы мичуринской биологии. Развитие общества подчинено не биологическим, а более высоким, социальным закономерностям. Всякое стремление распространить на человеческое общество законы животного мира означает стремление принизить человека до уровня зверя».

Именно этим стремлением, которое выгодно империалистической буржуазии, старающейся получить послушное «пущечное мясо» для своих кровавых авантур, объясняется усиленная пропаганда в капиталистических странах, и прежде всего в США, бредовых идей «социального дарвинизма», расизма, геополитики, а также неомальтузианства, требующего якобы для устранения социальных бедствий сократить рост народонаселе-

ния путём применения искусственных мер, предупреждающих зачатие.

Для оправдания стремлений американского империализма к мировому господству идеологические прислужники Уолл-стрита особенно рьяно используют мальтузианство во всех его видах. Не подлежит сомнению, что земля ещё в огромной степени «недоселена»: в одной только Африке пригодных для земледелия, но неиспользованные земли занимают площадь примерно в полтора раза больше Европы, а пустыни могут быть превращены в плодородные области. Несмотря на это, идеологи американского империализма пугают человечество угрозой перенаселения и уверяют, что дальнейший рост населения «неизбежно» ведёт к войнам, к массовому уничтожению людей.

Так, американский идеолог фашизма Вильям Фохт, опираясь на «теорию» Мальтуса, пытается «доказать» перенаселённость нашей планеты при помощи всякого рода жульнических расчётов. Из этих «расчётов» получается, будто бы наличное количество земельной площади, пригодной для сельского хозяйства, «недостаточно для того, чтобы прокормить все население земного шара». К тому же Фохт утверждает, что имеющееся в настоящее время количество земных богатств и прочих естественных ресурсов непрерывно якобы сокращается вследствие уничтожения лесов и травяного покрова, падения урожайности почвы и т. д. Поэтому Фохт объявляет человека паразитом и уверяет, что «человек уничтожает среду, необходимую для его существования».

Всё это нужно Фохту для того, чтобы объявить территорию США уже «перенаселённой», «доказать» необходимость территориальной экспансии для расселения «лишних» 40 миллионов американцев, призвать к уничтожению более миллиарда «лишних ртов» на всём земном шаре путём голода, эпидемий и истребительных атомных, химических и бактериологических войн. В первую очередь применение этих «спасительных» средств Фохт рекомендует против Советского Союза и стран народной демократии. «Голод в Китае, пожалуй, не только желателен, но и необходим», — говорит этот людоед. Поэтому он нагло ополчается против успехов медицины и скорбит о том, что такие простые приёмы охраны здоровья, как кипячение загрязнённой воды, способствуют росту населения.

Точно так же американские мальтузианцы Пирсон, Харпер, Кук и др., считают необходимым разработать план «сокращения населения земного шара», который в первую очередь должен быть направлен против стран, где господствует «коммунистическая идеология». Фохт огорчён тем, что гитлеровские бандиты мало, по его мнению, уничтожили людей, и требует сократить население Советского Союза до 100 миллионов человек, т. е. наполовину. Чудовищные злодеяния, совершаемые

американскими захватчиками в Корее,— это реализация звериных бредней современных мальтузианцев.

Таким образом, в своих реакционных изуверских устремлениях современные идеологи американского империализма пошли значительно дальше Мальтуса. Если этот поп лишь проповедовал народным массам воздержание с целью уменьшить рост населения, то его современные последователи в США, одержимые стремлением к мировому господству, к подавлению сил демократии и социализма, добиваются уменьшения населения путём людоедских государственных мероприятий, грабительских войн и т. д.

Однако никакие измышления мальтузианцев, никакие бредни социал-дарвинистов, расистов и прочих идеологов империалистической буржуазии неспособны приостановить ход истории и спасти капитализм от неминуемой гибели. Самое появление этих лженаучных идей — признак неизлечимой слабости, обречённости капитализма. Взгляды всего передового человечества обращены к СССР — великой стране строящегося коммунизма, стоящей в авангарде борьбы сотен миллионов трудящихся за мир, демократию и социализм.

В мощном движении за мир большую роль играют советские учёные. «...Советская наука,— заявил на первой сессии Всемирного Совета Мира академик А. И. Опарин,— не на словах, а на миллионах гектаров пахотной земли показала, что живая природа таит в себе такие возможности, которые при их умелом использовании удовлетворят потребности всего населения земного шара даже тогда, когда численность этого населения будет непрерывно расти».

Руководимый большевистской партией, великим Сталиным, советский народ идёт в первых рядах борцов за счастливое коммунистическое будущее, когда навеки уйдут в прошлое бедность и войны и свободное человечество добьётся небывалого расцвета материальной и духовной культуры.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на БРОШЮРЫ-ЛЕКЦИИ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ на 1952 год

I серия — 100 лекций по произведениям классиков марксизма-ленинизма, вопросам истории ВКП(б), истории СССР, философии, экономики, международной жизни, государства и права, педагогики, военных знаний, литературы и искусства.

II серия — 80 лекций по вопросам естествознания, техники и производства, геологии, географии, астрономии, медицины, физико-математических, химических и сельскохозяйственных наук, а также опыта передовиков промышленности и сельского хозяйства.

III [колхозная серия] — 48 лекций по вопросам общественно-политическим, естественно-научным, научно-атеистическим и агротехническим. В серию входят также брошюры об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, опыте работы мастеров социалистического земледелия.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ:

Серия	На год		На полгода		На квартал	
	Колич. лекций	Сумма	Колич. лекций	Сумма	Колич. лекций	Сумма
1-я . . .	100	60 р.	50	30 р.	25	15 р.
2-я . . .	80	48 р.	40	24 р.	20	12 р.
3-я . . .	48	24 р.	24	12 р.	12	6 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всюду на почте, в отделениях «Союзпечати» и общественными распространителями на предприятиях, в учреждениях, организациях, колхозах, совхозах и МТС.